

КОНСТАНТИН
ПАУСТОВСКИЙ

ЛИТЕРАТУРНЫЕ
ПОРТРЕТЫ

Константин Паустовский

Литературные портреты

«Мультимедийное издательство Стрельбицкого»

Паустовский К. Г.

Литературные портреты / К. Г. Паустовский — «Мультимедийное издательство Стрельбицкого»,

Литературные портреты известных людей, выдающихся личностей писатель создавал не один год. Они вошли в целую, полновесную, а главное – неимоверно увлекательную книгу. Очерки, новеллы, эссе Константина Паустовского написаны удивительно сочным языком, с массой выразительных деталей, подчеркивающих оригинальность и самобытность героев. Какой же интересной – загадочной, трагической, беззаботной, тяжелой – была их жизнь.

© Паустовский К. Г.
© Мультимедийное издательство
Стрельбицкого

Содержание

Оскар Уайльд	5
Малышкин	8
Случай с Диккенсом	10
Эдгар По	11
Бессмертный Тиль (Уленшпигель)	14
Конец ознакомительного фрагмента.	16

Константин Паустовский

Литературные портреты

Оскар Уайльд

В ноябре 1895 года в Реддингскую каторжную тюрьму был доставлен из Лондона в ручных кандалах знаменитый английский писатель Оскар Уайльд. Он был приговорен к нескольким годам заключения за «нарушение нравственности».

На вокзале в Реддинге вокруг Уайльда собралась толпа любопытных. Писатель, одетый в полосатую арестантскую куртку, стоял под холодным дождем, окруженный стражей, и плакал впервые в жизни. Толпа хохотала.

До тех пор Уайльд никогда не знал слез и страдания. До тех пор он был блестящим лондонским денди, бездельником и гениальным говоруном. Он выходил гулять на Пикадилли с цветком подсолнечника в петлице. Весь аристократический Лондон подражал Уайльду. Он одевался так, как Уайльд, повторял его остроты, скупал, подобно Уайльду, драгоценные камни и надменно смотрел на мир из-под полуприкрытых век, почти так, как Уайльд.

Уайльд не хотел замечать социальной несправедливости, которой так богата Англия. При каждом столкновении с ней он старался заглушить свою совесть ловкими парадоксами и убегал к своим книгам, стихам, зрелищу драгоценных картин и камней.

Он любил все искусственное. Оранжереи были ему милее лесов, духи милее запаха осенней земли. Он недолюбливал природу. Она казалась ему грубой и утомительной. Он играл с жизнью, как с игрушкой. Все, даже острая человеческая мысль, существовало для него как повод для наслаждения.

В Лондоне около дома, где жил Уайльд, стоял нищий. Его лохмотья раздражали Уайльда. Он вызвал лучшего в Лондоне портного и заказал ему для нищего костюм из тонкой, дорогой ткани. Когда костюм был готов, Уайльд сам наметил мелом места, где должны быть прорехи. С тех пор под окнами Уайльда стоял старик в живописном и дорогом рубище. Нищий перестал оскорблять вкус Уайльда. «Даже бедность должна быть красивой».

Так жил Уайльд – надменный человек, погруженный в книги и созерцание прекрасных вещей. По вечерам он появлялся в клубах и салонах, и это были лучшие часы его жизни. Он преображался. Его обрюзгшее лицо становилось молодым и бледнело.

Он говорил. Он рассказывал десятки сказок, легенд, печальных и веселых историй, пересыпал их неожиданными мыслями, блеском внезапных сравнений, отступлениями в область редчайших знаний.

Он напоминал фокусника, вытаскивающего из рукава груды пестрой ткани. Он вытаскивал свои истории, расстилал их перед удивленными слушателями и никогда не повторялся. Уходя, он забывал о рассказанном. Он бросал свои рассказы в подарок первому встречному. Он предоставлял друзьям записывать все, что они слышали от него, сам же писал очень мало. Едва ли сотая часть его рассказов была записана им впоследствии. Уайльд был ленив и щедр.

«В истории всего человечества, – писал об Уайльде его биограф, никогда еще не было такого замечательного собеседника».

После суда все было кончено. Друзья отшатнулись от него, книги были сожжены, жена умерла от горя, дети были отняты, и нищета и страдание стали уделом этого человека и уже не покидали его до самой смерти.

В тюремной камере Уайльд, наконец, понял, что значит горе и социальная несправедливость. Раздавленный, опозоренный, он собрал последние силы и закричал о страдании, о

справедливости и бросил этот крик, как кровавый плевок, в лицо предавшему его английскому обществу. Этот крик Уайльда назывался «Баллада Реддингской тюрьмы».

За год до этого он высокомерно удивлялся людям, сочувствующим страданиям бедняков, тогда как, по его мнению, следовало сочувствовать только красоте и радости. Теперь он писал:

«Бедняки мудры. Они сострадательнее, ласковее, они чувствуют глубже, чем мы. Когда я выйду из тюрьмы, то если в домах богатых я не получу ничего – мне подадут бедные».

Год назад он говорил, что выше всего в жизни искусство и люди искусства. Теперь он думал иначе:

«Много прекрасных людей – рыбаков, пастухов, крестьян и рабочих ничего не знают об искусстве, и, несмотря на это, они – истинная соль земли».

Год назад он выказывал полное пренебрежение к природе. Даже цветы полевую гвоздику или ромашку, – прежде чем приколоть к петлице, он красил в зеленый цвет. Их естественный цвет казался ему слишком крикливым. Теперь он писал:

«Я чувствую стремление к простому, первобытному, к морю, которое для меня такая же мать, как земля».

В тюрьме он мучительно завидовал натуралисту Линнею, который упал на колени и заплакал от радости, когда впервые увидел обширные луга нагорья, желтые от дрока.

Нужна была каторга, нужно было смотреть в лицо смертника, видеть, как избивают сумасшедших, месяцами, сдирая ногти, расщипывать по волокнам гнилые канаты, бессмысленно перетаскивать с места на место тяжелые камни, потерять друзей, потерять блестящее прошлое, чтобы понять, наконец, что общественный строй Англии «чудовищен и несправедлив», чтобы закончить свои записки такими словами:

«В обществе, как оно устроено теперь, нет места для меня. Но природа найдет для меня ущелье в горах, где смогу я укрыться, она осыплет ночь звездами, чтобы, не падая, мог я блуждать во мраке, и ветров завеет следы моих ног, чтобы никто не мог преследовать меня. В великих водах очистит меня природа и исцелит горькими травами».

В тюрьме Уайльд впервые в жизни узнал, что значит товарищество. «Никогда в жизни я не испытал столько ласки и не видел столько чуткости к своему горю, как в тюрьме со стороны товарищей – арестантов».

Из тюрьмы Уайльд вышел, окруженный преданной любовью всех, кому выпало на долю отбывать вместе с ним английскую королевскую каторгу.

После тюрьмы Уайльд написал две статьи, известные под названием «Письма о тюремной жизни». Эти статьи, пожалуй, стоят всего написанного Уайльдом раньше.

В одной статье он со сдержанной яростью пишет о страданиях маленьких детей, которых наравне со взрослыми сажают в английские тюрьмы, в другой – о дикости тюремных нравов.

Эти статьи ставят Уайльда в ряды лучших людей. Уайльд впервые выступил как обличитель.

Одна из статей написана как будто по незначительному поводу: надзиратель Реддингской тюрьмы Мартин был уволен за то, что дал маленькому голодному ребенку-арестанту несколько сухарей.

«Жестокость, которой подвергаются и днем и ночью дети в английских тюрьмах, невероятна. Поверить в нее могут только те, кто сами наблюдали их и убедились в бесчеловечности английской системы. Ужас, испытываемый ребенком в тюрьме, не знает пределов. Нет ни одного арестанта в Реддингской тюрьме, который с величайшей радостью не согласился бы продлить на целые годы свое заключение, лишь бы перестали мучить в тюрьмах детей».

Так писал Уайльд в то время, и совершенно ясно, что наравне с остальными арестантами он, бывший великий эстет, отсидел бы в тюрьме несколько лишних лет за того крошечного мальчика, которого он часто видел рыдающим в одиночной камере.

Вскоре после освобождения из тюрьмы Уайльд умер в добровольном изгнании в Париже.

Он умер в нищете, забытый Англией, Лондоном и друзьями. За его гробом шли только бедняки того квартала, где он жил.

1937

Малышкин

На дощатом крыльце сельской почты мальчишка-почтарь долго клеил на стену свежую московскую газету. Я ждал. С юга дуло жаром, несло пылью, запахом раскаленных сосен. В сером небе стояли ватные сухие облака.

Я взглянул на последнюю страницу газеты, и будто чугунным кулаком кто-то стиснул сердце...

Умер Малышкин.

Вокруг было все то же, пылил все тот же любимый им бесхитростный русский день, но его, Малышкина, милого Александра Георгиевича, уже не было, и мысль эта была нелепой и горькой.

В Малышкине рядом с беспокойной, всегда оживленной, всегда взволнованной талантливостью жила большая житейская простота, жизнерадостность, любовь к людям, к писательству как к своему единственно мыслимому и прекрасному человеческому пути.

Если говорить о традициях большой литературы или, вернее, о традициях больших и простых, как сама земля, мыслей и чувств, то Малышкин был одним из немногих носителей этих традиций – носителем верным и непреклонным.

Все его писательство, вся его личная жизнь были порывом к счастью – к счастью своей страны, своего народа. Этот порыв лучше всего передан им в небольшом рассказе «Поезд на юг» – одном из шедевров советской литературы.

В этом постоянном беспокойном порыве к счастью и познанию всего существующего Малышкин был похож на ребенка, – он был так же искренен, экспансивен, так же по-детски радовался всему, что наполняло жизнь разумным и веселым содержанием.

Поздней осенью 1936 года я приехал в Ялту и застал там Малышкина. Был вечер, но на следующий день ранним утром Малышкин разбудил меня и повел в горы – такова, говорил он, была придуманная им традиция – водить всех только что приехавших в горы.

Синее влажное утро с трудом пробивалось сквозь осенний туман. Желтые дубовые заросли стояли в росе. Малышкин шел рядом и почти не смотрел по сторонам – он не спускал с меня глаз. Он заставлял меня смотреть то на море, сизой тучей лежавшее внизу у наших ног, то на последний желтый цветок, выросший на каменистой дороге, то на далекий водопад, казавшийся издали прядью белых нитей, брошенных на отвесные скалы.

Он следил за выражением моего лица и вдруг засмеялся – он был рад, что ему удалось еще одному человеку показать этот утренний мир. В эту минуту он был проводником по прекрасному, он приобщал меня к этой приморской осени и был счастлив, что и это робкое солнце, и горы, и терпкий воздух, и гул невидимого прибоя, бывшего в берега, что все это до меня «дошло», что еще одному человеку он смог передать хотя бы частицу тех чистых и ясных представлений, какими он жил в те дни.

Мы остановились на высоте скалы, туман прошел, и внезапно открылось море. Оно казалось сгущенным воздухом этой осени, оно несло к подножью мысов, к коричневой земле виноградников прозрачную влагу и качало в ней отражение солнца.

– Да, – сказал Малышкин и показал на море, – таким оно было, когда здесь еще не существовало Ялты, и таким оно будет, когда мы с вами умрем. Это очень радостно.

Эта простая мысль обычно вызывает у людей чувство собственного ничтожества, но Малышкин ощущал ее как нечто утверждающее жизнь.

Малышкин умер. Исчезло ясное и простое очарование его ума, таланта и доброты. И бесконечно жаль, что он умер так рано, – ведь для Малышкина только в последние годы началась его молодость, до этого жизнь была для него невесела и сурова.

Он умер, но Черное море шумит, как шумело при нем, и к нашим богатствам прибавилась еще одна ценность, оставленная нам Малышкиным – его великолепные книги и его высокое волнение перед зрелищем мира и настоящей, невыдуманной человеческой жизни.

Солотча, Рязанская область
1938

Случай с Диккенсом

Желтые облака над Феодосией. Они кажутся древними, средневековыми. Жара. Прибой гремит жестянками. Мальчишки сидят на старой акации и набивают рот сухими сладкими цветами. Далеко над морем поднимается прозрачная струя дыма – идет из Одессы теплоход. Мрачный рыбак, подпоясанный обрывком сети, свистит и сплевывает в воду – ему скучно. Рядом с рыбаком на берегу сидит мальчик и читает книгу. «Дай, пацан, поглядеть, что такое за книга», – хрипло просит рыбак. Мальчик робко протягивает книгу. Рыбак начинает читать. Он читает пять минут, десять, он сопит от увлечения и говорит: «Вот это завинчено, убей меня бог!» Мальчик ждет. Рыбак читает уже полчаса. Облака переменялись на небе местами, мальчишки уже объели одну акацию и полезли на другую. Рыбак читает. Мальчик смотрит на него с тревогой. Проходит час. «Дядя, – шепотом говорит мальчик, – мне надо домой». – «До мамы?» – не глядя на него, спрашивает рыбак. «До мамы», – отвечает мальчик. «Успеешь до мамы», – сердито говорит рыбак. Мальчик замолкает. Рыбак с шумом перелистывает страницы, глотает слюну. Проходит полтора часа. Мальчик начинает тихо плакать. Теплоход уже подходит к порту и гудит небрежно и величаво. Рыбак читает. Мальчик плачет, уже не скрываясь, слезы текут по его дрожащим щекам. Рыбак ничего не видит. Старый пристанский сторож кричит ему: «Петя, чего ты мучаешь ребенка! Отдай книгу, имей каплю совести». Рыбак удивленно смотрит на мальчика, бросает ему книгу, плюет, говорит с сердцем: «На, собственник, базарная душа, подавись своей книгой!» Мальчик хватается книгу и бежит, не оглядываясь, по раскаленному портовому спуску. «Что это была за книга?» – спрашиваю я рыбака. «Та Диккенс, – говорит он с досадой. – Такой прилипчивый писатель – как смола!»

1939

Эдгар По

В конце сентября 1849 года в вагоне поезда, только что отошедшего из Балтимора в Филадельфию, кондуктор заметил низенького, худого человека в потрепанной одежде. Человек этот лежал без сознания. Когда он пришел в себя, кондуктор высадил его на первой же станции и отправил обратно в Балтимору, где, как полагал кондуктор, у этого человека должны были быть родственники или друзья. Незвестный человек двигался, как во сне, и почти ничего не понимал. Чемодан его был набит рукописями.

В Балтиморе неизвестный вышел из вокзала, сел на уличную скамейку и просидел несколько часов без движения. Потом он упал. Его подобрала и отправили в больницу.

Через несколько дней, 7 октября 1849 года, этот человек умер от болезни, которую врачи не смогли определить. В медальоне на груди умершего нашли портрет молодой женщины необыкновенной красоты. Как потом выяснилось, это был портрет его матери. С ним умерший не расставался всю жизнь.

Так странно и одиноко окончилось существование замечательного американского писателя Эдгара По.

Современники Эдгара По оставили о нем много воспоминаний, но все эти воспоминания написаны так, будто Эдгар По появился в тогдашней Америке как пришелец с далекой планеты.

О нем писали с почтительным или злым недоумением. Его разглядывали с любопытством и осуждением. Его боялись, но время от времени им восхищались. Он никак не сливался с благопристойной скукой и добропорядочностью, составлявшими основу жизни американца тридцатых и сороковых годов.

Эдгар По был «блудным сыном» Америки. Самое существование этого поэта, фантаста и неудачника, казалось вызовом ханжеству и рутине. В трезвый век пара и торговых лихорадок появился человек, который жил только силой своего воображения и насмехался над всем, что составляло смысл жизни его соотечественников.

Этого ему не могли простить, за это ему мстили. Его заставили почти всю жизнь голодать, нищенствовать, обивать пороги редакций. При жизни ему платили равнодушием, после смерти – клеветой.

Эта посмертная клевета на Эдгара По вызвала возмущенный возглас французского поэта Бодлера: «Почему в Америке не запрещают собакам ходить на кладбище?»

Эдгар По написал много фантастических рассказов. Он написал много великолепных стихов и поэм, ставших сокровищами не только американской, но и всемирной поэзии.

Его поэмы «Ворон» и «Колокола» справедливо считаются по глубине и поэтической силе мировыми шедеврами.

Кроме того, Эдгар По впервые создал приключенческие и так называемые детективные рассказы, отличавшиеся необыкновенной точностью и блеском анализа. Пожалуй, на первом месте среди таких рассказов стоит «Золотой жук» – рассказ, овеянный острым и волнующим воздухом тайны.

Эдгар По был одним из родоначальников той фантастической литературы, которая получила свое развитие в произведениях Жюль Верна и Герберта Уэллса.

По крови Эдгар По ирландец. Он происходил из старинного ирландского рода. Предки его переселились в Америку. Дед Эдгара участвовал в войне за независимость Соединенных Штатов. По оставил генеральский дом с его прочным укладом и стал актером. Он женился на английской актрисе Элизабет Арнольд, женщине редкой красоты, сироте, родившейся на палубе корабля среди океана и воспитанной чужими людьми. Родители По переезжали в фургоне из города в город с труппой бродячих актеров.

В 1809 году в Бостоне у них родился сын Эдгар.

Когда Эдгару было всего два года, родители его почти в одно время умерли от чахотки. Мальчика взял на воспитание шотландский купец Джон Аллен из города Ричмонда в Виргинии.

Эдгар, красивый, своенравный и смелый мальчик, отличавшийся необыкновенной добротой, рос в богатой семье. Вскоре Аллен уехал на пять лет по торговым делам в Англию и взял Эдгара с собой.

То было время битвы при Ватерлоо, пленения Наполеона, молодости Байрона и Пушкина. Ветер романтики бушевал над Европой. Маленький Эдгар учился в школе на окраине Лондона, на тихой улице, обсаженной вековыми вязами. Улица эта выросла по сторонам сохранившейся древней римской дороги. Вся эта обстановка и бледное небо Англии вызывали мечтательность. С детских лет Эдгар дал волю своему воображению и потом с полным правом говорил о себе, что «мечтать было единственным делом моей жизни».

В 1820 году Эдгар вместе с Алленом вернулся в Виргинию и поступил в ричмондскую школу. Учителей этой школы удивляло, что Эдгар «всегда был готов уцепиться за любую трудную умственную задачу». Мальчик великолепно плавал. Он прославился на весь штат тем, что проплыл шесть миль против течения бурной реки. Он мечтал переплыть Ламанш.

Так как будто безоблачно шла жизнь, но в глубине ее пряталась горечь. Эдгар никогда не мог забыть, что он приемный. Весь характер жизни в доме Аллена был ему чужд и даже враждебен. Чувство одиночества не покидало «странного Эдди». Он очень болезненно и пылко отзывался на проявления доброты по отношению к себе. Случайная знакомая, Елена Стенперд, однажды приласкала его, и он отплатил ей за это глубокой привязанностью. Стенперд вскоре умерла. Эдгар часто ходил на ее могилу, иногда даже засыпал на могиле в слезах, а утром его находили на кладбище слуги шокированного этими «выходками» Джона Аллена.

Разрыв с приемным отцом был неизбежен. Он произошел, когда Эдгар поступил в Виргинианский университет.

Там он жил среди студентов весело и безалаберно. Он поражал всех своей удивительной памятью и немного сумбурной, но необыкновенной речью. Он потрясал слушателей, зачаровывал их, вырывал из привычной действительности и переносил в мир поэзии, вдохновения, тайн и тревог. «Гений подкидыш», – говорили о нем преподаватели и студенты.

Эдгар не окончил университета. Он порвал с приемным отцом, уехал в Бостон, и с этого времени началась его самостоятельная, порой легендарная бродячая и трудная жизнь.

В Бостоне он выпустил первую книгу своих стихов – «Тамерлан». Потом на шесть лет он исчез из Америки. Никто не знает, что происходило с ним за эти шесть лет. Здесь начинается область легенд. Говорят, что он был в Греции, Италии, участвовал в польском восстании, жил в Петербурге, был ранен во время драки в Марселе и, наконец, якобы служил под вымышленным именем в американской армии. Известно только, что в 1830 году он появился в Вест-Пойнте, в Военной академии, уже усталым, с подорванным здоровьем юношей, но пробыл там недолго. Он несколько раз, очевидно сознательно, нарушил дисциплину, был предан военному суду и исключен из армии. Потом Эдгар По выпустил две новые книги поэм и опять исчез на три года. Появился он в 1833 году в редакции журнала «Субботний гость» в Балтиморе. Он принес в редакцию два рассказа: «Рукопись, найденная в бутылке» и «Низвержение в Мальстрем» – и ушел. Рассказы произвели ошеломляющее впечатление. Писатель Кеннеди бросился разыскивать неизвестного автора. Он нашел Эдгара По в холодной каморке, умирающего от голода. Кеннеди поразило нервное и печальное лицо По, светло-оливковый цвет его кожи, живые и напряженные глаза и весь облик этого нищего, державшего себя с необыкновенным достоинством и изяществом подлинного джентльмена.

Рассказы были напечатаны. Слава пришла сразу. Она прокатилась волной по Америке и перебралась в Старый Свет. Но слава ни разу в жизни не дала Эдгару По ни одного дня, свободного от нужды и забот.

В 1837 году жизнь, наконец, улыбнулась Эдгару. Он полюбил свою двоюродную сестру Виргинию. Некоторое время спустя Эдгар По обвенчался с нею в Ричмонде. По отзывам всех, кто видел Виргинию, это была девушка, полная внешнего и внутреннего изящества, простоты и ласковости. Она глубоко и преданно любила Эдгара По. Знакомые прозвали ее «Троицын цвет» – по имени нежного цветка, украшавшего поля вокруг Ричмонда.

Виргиния умерла от чахотки, когда ей было всего двадцать пять лет. Эдгар По прожил с ней и с ее матерью Клемм несколько спокойных годов. Он был очень весел в это время, мягок и добр. Когда жить в Нью-Йорке, Ричмонде, Филадельфии и других городах стало уже не по силам из-за денежных затруднений, По переехал в деревню.

Он жил с Виргинией и ее матерью в маленьком доме, окруженном мириадами цветов и старыми вишневыми деревьями. Поэтесса Френсис Локки вспоминает, как легко и весело работал в это время Эдгар По. Он показывал ей свои рукописи. Писал он на узких и длинных листах бумаги, свернутой в рулоны. По, смеясь, развертывал перед ней эти длинные рукописи и протягивал их через весь сад.

В деревне Эдгар По начал писать очерки о тогдашних американских писателях. Это были язвительные и беспощадные портреты. Литературная Америка всполошилась. Началась обдуманная травля Эдгара По. Ему начали возвращать рукописи из журналов. На него клеветали. Наступили безденежье и нужда. По пришел в отчаяние и начал пить. Все рушилось.

Один из журналов напечатал воззвание к гражданам Америки с просьбой жертвовать деньги и вещи в пользу нищего Эдгара По. Это воззвание о милостыне привело писателя в ярость. Он считал, что его литературные заслуги перед Америкой таковы, что правительство может помочь ему в трудную минуту. Но правительство ответило на обращение Эдгара По грубым отказом.

В январе 1847 года Виргиния умерла в пустом деревенском доме – все было продано. Она умерла на полу, на охапке чистой соломы, застланной белоснежной простыней, умерла, укрытая старым рваным пальто Эдгара По.

Эдгар По пережил Виргинию только на два года. Он сильно страдал, метался по стране. Он искал новых привязанностей, но никто не мог заменить Виргинию. Один только человек остался верен Эдгару По до смерти, по-матерински заботился о нем. Это была мать Виргинии, старуха Клемм.

Хоронили Эдгара По в Балтиморе. Хоронили чужие, а может быть, и враждебные люди.

Они заказали очень тяжелую каменную плиту, чтобы положить ее на могилу беспокойного поэта. Как будто тяжестью этой плиты они измеряли свое пренебрежение к нему. Как будто они боялись, что он может встать из могилы – насмешливый и непонятный.

Когда каменную плиту положили на могилу Эдгара По, она раскололась. Весной в трещине проросли занесенные ветром семена полевых цветов, и могила закрылась этими цветами и высокой травой.

Так жил, работал и умер Эдгар По. Жизнь его, равно как и смерть,шний раз подтвердила ту истину, что старое общество всегда было жестоко и несправедливо к людям большого таланта и большой души.

Бессмертный Тиль (Уленшпигель)

Старинная Фландрия. Родина Тиля Уленшпигеля. Веселая и богатая страна. Страна румяных и шутливых людей, тучных пастбищ, маленьких городов, дремлющих под треньканье надтреснутых колоколов, и других городов – многолюдных, огромных.

Эти города сотни лет копили богатства. Они были обширными кладовыми Европы. «Смотри, – сказал Уленшпигель Ламме, когда они подошли к Антверпену, – вот громадный город, который вселенная сделала средоточием своих сокровищ. Здесь золото, серебро, пряности, золоченая кожа, гобелены, ковры, занавесы, бархат, шерсть и шелк; здесь бобы, горох, зерно, мясо, мука, кожи; здесь вина отовсюду».

Расцвет Фландрии начался еще в средние века. Неуклюжие корабли всех стран со своими разноцветными парусами отражались в воде фландрских гаваней и веселили человеческий глаз. Из погребов сочился сладковатый запах. В погребах был заперт вместе с товарами воздух тропических островов, далекой и таинственной Явы. Высушенные летучие рыбы висели на стенах около распятий в низких комнатах, освещенных огнем каминов. Люди Фландрии трудились, как пчелы, собирая мед и жатву, строя корабли, прорывая каналы, вспахивая поля, закидывая в реки и морские заливы рыбачьи сети, вертя жужжащие веретена с куделью. Такой мы представляли себе старинную Фландрию.

Но такой она казалась только при поверхностном знакомстве. Углубляясь в историю этой страны, мы узнавали о народных вольностях, о жестоких войнах с Испанией за независимость, о казнях, кострах, осадах, гуле «Борксторма» – набатного колокола, о черных тучах пожара, застилавших зеленые польдеры, – обо всем, что рассказал Шарль де Костер в своей замечательной книге.

Шарль де Костер, скромный ученый и литератор прошлого века, светловолосый высокий фламандец, собрал легенды о народном герое Фландрии Тиле Уленшпигеле, соединил их разрозненные части и создал эту бессмертную книгу.

Жизнь Шарля де Костера, этого мягкого и молчаливого человека, была полна лишений, горя и труда.

Костер был служащим бельгийского государственного архива. Через его руки прошло множество древних рукописей. Нужны были величайший талант и юношеская свежесть воображения, чтобы за полустертыми строчками манускриптов, за громоздкими фразами средневековых документов с их зачастую темным и запутанным содержанием увидеть во всем могучем размахе великое народное движение, возникшее в старой Фландрии, – восстание «гезов» (в переводе – «рвани») против испанцев, чтобы воссоздать немеркнувший образ весельчака и мстителя Тиля Уленшпигеля и всю резкую по краскам и точную по рисунку героическую эпоху из истории своей страны.

«Тиль Уленшпигель» при жизни Шарля де Костера не пользовался успехом. Социальное его содержание, гнев, ненависть к сильным мира сего – все это отпугивало от книги Костера современных ему боязливых критиков. В то время в Бельгии уже зарождалось так называемое «внесоциальное» и расплывчатое литературное течение символистов, во главе которого стал Морис Метерлинк – мистический поэт с туманными глазами и туманными мыслями.

А Костер был резок, груб, неспокоен. Он говорил о прошлом Фландрии, но в голосе его звучало негодование против несправедливостей своего времени. Костер был не ко двору в благопристойной Бельгии конца XIX века. Поэтому и слава пришла к Шарлю де Костеру после смерти.

Где и когда родился в недрах Фландрии образ бродяги и народного героя Тиля Уленшпигеля, сказать трудно. Это древний образ, переходивший из века в век, близкий романским

народам. Средневековые устные рассказы – фаблю – сохранили нам воспоминания о якобы беззаботных плутах, носивших в сердце бесстрашие и любовь к своему народу.

У Тиль Уленшпигеля много предков, но создатель Уленшпигеля – один. Это народ Фландрии. Шарль де Костер – только представитель этого народа, талантливый, терпеливый и скромный писатель, закрепивший легенду на бумаге.

Как обычно, все герои легенды об Уленшпигеле олицетворяют те или иные свойства народа.

Тиль – это вольнолюбивый, стойкий и лукавый дух Фландрии. Его верная спутница Неле – это любовь. Ламме Гудзак – это «брюхо», плоть Фландрии, законченное выражение необыкновенной фламандской полнокровности и жизнерадостности.

Этот простак окружен в легенде звоном бутылок, шипением мяса на вертеле, треском разрываемых руками кровавых колбас. Он весь лоснится от благодушия, лени и жира, слизанного с тарелок. С редкой выразительной силой описывает Костер заезжие дворы и таверны с их горами хрустящих пирожков, сала, белого хлеба, гентских сосисок, лувенского сыра, жареной рыбы, жирной ветчины, с песнями, драками и болтовней посетителей, в чьи глотки крепкое пиво низвергается, точно водопад, несущийся с горной вершины.

Но вокруг харчевен выются ласточки в синем небе, дуют теплые ветры, качаются цветущие кусты, колосится пшеница, и живет другая Фландрия – ласковая, улыбающаяся и нежная, как девушка Неле.

Шарля де Костера привлекла полная трагических событий и героизма нидерландская революция XVI века, восстание страны против испанцев, народное движение «великой рвани» – гезов.

Веселый Тиль, бродяга и затейник, беспечно слоняющийся по дорогам Нидерландов с песнями, плутнями и шутками, становится упорным борцом за лучшую участь своего народа, беспощадным мстителем за его поруганную свободу.

Бродяжничество Уленшпигеля приобретает иной характер: «Благословенны скитания ради освобождения родины». Теперь Тиль бродит по стране как разведчик, как неуловимый собиратель народных сил. Всюду, у каждого порога, где живут угнетенные, на его условный крик жаворонка люди, готовые к восстанию, отвечают криком петуха.

Так он проходит по всей стране, и люди поднимаются вслед за ним. Набатные колокола гудят над кровлями деревень и городов, сзывая на борьбу с инквизицией.

Великолепны страницы в книге Шарля де Костера, посвященные портретам угнетателей Фландрии – зловещих испанских королей Карла Пятого и Филиппа Второго. Не многие книги в мировой литературе проникнуты такой яростной и уничтожающей силой ненависти. Особенно беспощаден Костер в тех местах, где он пишет о жестоком выродке – короле Филиппе Втором:

«В этот день король Филипп объелся пирожными и потому был еще более мрачен, чем обычно. Он играл на своем живом клавесине – ящике, где были заперты кошки, головы которых торчали из круглых дыр над клавишами. Когда король ударял по клавише, она, в свою очередь, ударяла иглой по кошке, и животное жалобно мяукало от боли.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.